

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Воспитание
мальчиков

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

Серия «Мама Инстаграма»

Подписано в печать 12.07.2019 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура DINPro.
Формат 70 x 108 1/32. Усл. печ. л. 14,0. Тираж экз. Заказ №

Нестерова, Наталья.

Н56 Воспитание мальчиков: / Наталья Нестерова. — Москва,
Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Мама Инстаграма).

ISBN 978-5-17-117889-5

«Воспитание мальчиков» — уникальная книга, однако не совсем о воспитании и не только о детях. Каждое слово тут — о любви. И, читая ее, все становятся чуточку счастливее. Это ретроспектива семейной жизни — от бабушки к молодой маме. Лихие 90-е, голодные 80-е. Уморительно смешные, романтические и драматические истории, каждая из которых увлекательнее любого романа! Трудный путь, пройденный не без боли и слёз. Впрочем, все преодолимо, если ваши помощники — доброта и надежда!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, 2019
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Моей семье.
Родным — здравствующим и ушедшим.
Тем, кто появится на свет и продолжит наш род.*

От автора

Самые популярные вопросы писателям: «Почему вы начали писать?» и «Откуда вы берете сюжеты?» Космонавтов или летчиков не спрашивают, почему они летают. И так ясно: с детства мечтали. С писателями то же самое: многолетний неукротимый зуд марать бумагу. Когда я говорю, что сюжеты придумываю, что фантазирование — самая интересная часть работы, мне, похоже, не очень верят. Хотя лукавлю я всего на один процент: девяносто девять процентов — моя выдумка, один процент, чуть-чуть, — подсказки из жизни. В свою очередь, в этом одном проценте громадная доля принадлежит подсказкам из жизни двух моих сыновей, чье детство — неистощимый источник моего вдохновения.

В жизни всякого человека есть свои «до» и «после». До написания романов я занималась воспитанием мальчиков. После того как младший сын поступил в университет, всерьез занялась писательством. Когда в семье два журналиста, не хватает только писателя. Потому что журналисты большей частью пишут дома, ночью, на кухне, а самая благостная обстановка в семье, как известно, бывает, если работу не тащат домой. В этом отношении

От автора

повезло металлургам и артиллеристам. С другой стороны, вот уже восемь лет я наслаждаюсь возможностью ходить на работу в комнатных тапочках — к письменному столу.

Когда мои дети были маленькими, я терзала друзей и знакомых рассказами о проделках своих сыновей. И однажды мой учитель от журналистики Юлий Васильевич Сафонов сказал: «Тебе надо писать книги про счастливых матерей и детей, про счастливые семьи». В ответ я помотала головой: «Про счастливых писать неинтересно, да и трудно. Когда нет драмы, страстей и противостояний — про что вести речь? Сюжет держится на конфликте, а в счастливой семье можно найти только самый скучный из конфликтов — хорошего с лучшим». Но спустя много лет я обнаружила, что единственные герои, мне интересные, — это добрые, простые, душевные люди. Не злодеи, не убийцы, не воры и прочие преступники, а люди с неизвращенным понятием о чести, долге и ответственности. Этих героев рождала моя авторская фантазия, но и в реальной жизни их — подавляющее большинство.

Взявшись за книгу про взросление сыновей, я не стремилась ответить на вопрос «как надо воспитывать мальчиков», а только написала, как у меня получалось справляться с их трудными характерами.

Уксы и шреки

О дочери я, кажется, начала мечтать, первый раз взяв в руки молочно-резинового пупса. Играла в куклы едва ли не до десятого класса. Потом мои любимицы долго покоились в пыльных коробках, пока не сгнули при очередном переезде. С годами мечта только крепла.

Когда у меня родилась внучка и я первый раз ее увидела — семидневную, черноволосенькую, с красным младенческим личиком, — спящую в коляске на лоджии в квартире родителей невестки...

Разрыдалась:

— Я мечтала о тебе пятьдесят лет!

За спиной раздался недоуменный шорох непроизносимых мыслей родных и близких. Пятьдесят лет — это слишком! Ей (мне) всего-то чуть за полтинник.

Именно так! Мне всю сознательную жизнь казалось: если удастся повторить мое общение с мамой, перед которым меркнут любые высокие слова, с которым не могут сравниться никакие дружбы, — жизнь моя пойдет правильно, состоится.

Не вышло.

Родился первый сын. Ладно, мужу приятно. Мужчины почему-то до сих пор пребывают в средневековом стремлении иметь наследника. Хотя не короли и не магнаты. На

Иксы и игреки

самом деле грезят о преемнике. В высоком смысле — ученике, преемнике идей и теорий. Родные дети, как правило, преемниками не становятся. На них столько времени убьешь, пока научишь утром и вечером зубы чистить, домашние задания исправлять, что уж не до теорий.

В период второй беременности уже появилось ультразвуковое исследование.

Водит доктор по моему большому животу приборчиком и спрашивает:

— А вас не интересует: мальчик или девочка?

— Спасибо, я знаю.

— Как угодно.

Решил, видимо, что я из тех невежд, что определяют пол ребенка по форме живота. Но я руководствовалась совершенно другим. Во-первых, не много нагрешила, чтобы провидение обошлось со мной сурово. Во-вторых, уж сколько месяцев наблюдаю, как родня в застолье поднимает тосты за мою грядущую девочку:

— Теперь — за Тонечку!

И все дружно сдвигают рюмки, бабушки затыкаются, хотя принесли чай с домашними тортиками и были готовы решительно пресечь излишнее потребление спиртного. Но за Тонечку — это святое.

Выбранное имя — Тоня — в честь бабушки мужа, которая умерла незадолго до моего появления в их семье. Я столько добрых слов слышала о бабушке Тосе, что считала справедливым отдать дань её памяти. Да и нравились обилие вариантов: Антонина, Тоня, Тося, Тонюля.

Иксы и игреки

Тонюля практически жила в нашей семье. Когда меня тошнило по утрам, муж говорил: «Тоська чего-то несвежего поела». Старший сын, трехлетний Никита, постоянно тыкал в мой живот и спрашивал: «А что сейчас Тоня делает?» В зависимости от времени суток Тоня призывала его убрать игрушки, или не размазывать кашу по тарелке, или отправляться спать без хныканья и капризов.

Из-за сложностей со здоровьем меня уехали в больницу за месяц до родов. В те времена общение с пациентами дородового отделения и роженицами было как с заключенными в тюрьме. Проще говоря, совершенно не было. Свидания отсутствовали, разрешалось обмениваться записками и видеть друг друга издали. Женщины прилипали к окну на пятом этаже, родные, задрвав головы, стояли на земле. Летом спасали открытые форточки, зимой мучило отсутствие навыков общения глухонемых.

Никите тем холодным декабрем страшно надоело каждый день ездить с бабушкой или с папой к больнице, смутно видеть меня в окне пятого этажа.

Поэтому он вопил:

— Мама, выходи! Покажи Тонечку!

Как-то в нашу палату заглянула терпивица из соседней палаты. То есть — женщина на сносях, которая чувствует себя нормально, но анализы плохие, и врачи предпочли замуровать ее в госпитальных стенах.

Подошла к окну и протяжно, с тоской унылой, проговорила:

— Вот опять этот мальчик в черной шубке. Сейчас будет Тонечку просить.

Иксы и игреки

И тут же звонкий Никитин голосок, долетев, ударил в стекла:

— Мама! Мама!

Подскочив к окну, я развела руки в стороны: никаких изменений.

— Где Тонечка?! — орал Никита. — Сколько ждать? Чего она там сидит и не вырывается?!

И вот наконец роды.

У меня еще зеленые круги перед глазами, дыхание как у тяжелоатлета, который без перерыва тяжеленные штанги рвал.

— Мальчик, — говорит акушерка.

— Ош-ош-баетесь, — возражаю, заикаясь.

— Смотри! — Ребеночку задирают ноги, показывая неопровержимое доказательство.

— Вс-вс-все равно! — упорствую я. — Де-де-девочку хочу!

— А этого куда денем? — веселясь, спрашивает врач акушерку.

— Может, обратно затолкаем? — подхватывает акушерка. — Авось рассосется.

Потом они возьматся со мной, с ребеночком и говорят о том, что на нас не угодить. Вот туркменка Зыба у них седьмую девочку рожает. Муж Зыбы сына хочет, а туркменка каждый год по девице выдает. Он ей ультимативно заявил: будешь рожать до мальчика, хоть два десятка. Двадцать погодков-девиц в малогабаритной квартире — это, конечно, впечатляет.

Иксы и игреки

Был поздний вечер, акушерка откликнулась на просьбу позвонить ко мне домой и сообщить о новорожденном.

Дальнейшее я знаю в пересказах.

Муж положил трубку, забыв поблагодарить. Уставился тупо в стенку. Мама, тетя, двоюродная сестра, свекор, который у нас гостил, смотрели на него выжидательно. Муж молчал.

— Наташа родила? — потеряла терпение сестра.

— Да, — пробормотал муж.

— Она жива? — напряглась мама.

— Да.

— А ребенок?

— Три восемьсот. Но мальчик.

— Опять? — ахнула сестра.

Некоторое время все переваривали информацию. Более всего их заботило мое душевное самочувствие: Наташа так мечтала о девочке. Словно ребенок — это новогодний подарок, выписанный по каталогу.

Паузу нарушил свекор, разумно спросивший:

— За внука и не выпьем?

Его поддержали. В смысле — поставили на стол резервную бутылку хорошего коньяка.

Наутро, физически пребывая в ослабленном состоянии, но морально — в клокоцущем, я написала мужу злую записку. Я тебе не туркменка Зыба! Прекрасно знаю, что пол ребенка полностью зависит от мужчин! Они, конечно, не вольны управлять своими хромосомами. И все-таки пусть несут ответственность!

«Ты мне что обещал? — в частности, писала я. — Прежде чем обещать, сделал бы анализ! У тебя избыток

Иксы и игреки

игреков в хромосомах, при трагическом недостатке иксов! Не то, что у туркмена!»

Муж ответил, в частности: «Про туркмена не понял. Наш век — век специализации. Специализация — гарантия качества. Мы специализируемся на мальчиках».

Как в воду глядел.

Забегая вперед, скажу, что младшенький, Митя, с пеленок проявлял недюжинные интеллектуальные способности. Я сделала все возможное, чтобы затормозить его развитие, не превратить в вундеркинда, обеспечить счастливое детство. Но Митя все-таки перепрыгивал в школе через класс и в пятнадцать лет поступил на факультет вычислительной математики МГУ, который блестяще окончил.

Я крестилась:

— Господи, спасибо, что мальчик! Рост метр девяносто восемь, центнер веса, ум развитый, знания обширнейшие, чувство юмора убийственное. Будь он девочкой — никогда бы замуж не выдали. Кто бы взял?

С Никитой, старшим, та же картина. В девичьем обличье это была бы красotka-модель: длинноногая, с двумя образованиями — юридическим и экономическим, с успешной карьерой и большими претензиями. Она разбивала бы сердца, перешагивала через поклонников и в итоге вышла бы замуж за проходимца с хорошими актерскими способностями.

А у нас сложилось — счастливо! Мальчики выбрали девочек, в которых души не чаю. Не совсем чтобы дочери, но периодически хочется выхватить их, оторвать, что-

Иксы и игреки

бы пожили с нами, забыли про всех, принадлежали бы только мне с мужем. Вставали бы утром, со сна с пухленькими щечками, брели на кухню, наливали чай, отхлебнув, оставляли, шли в ванную и сидели там по часу (что столько времени отмывать?). Выходили, я новый чай грела бы. Они не давились бы моими бутербродами и яичницами, а капризничали:

— Сколько раз повторять? Только обезжиренные сливки надо покупать.

— Если из сливок убрать жир, — ворчала бы я, — то это будут вовсе и не сливки, а молочное пойло.

Легко ворчать на дочь. Но свекрови ворчать на невестку — записать себя в зануды.

Потом они собирались бы на работу. И по дому растекался бы чудный запах: духов, косметики — и чего-то неуловимого, юного и прекрасного, будоражащего, хмельного и отчасти нервного, эмоционального, — что может источать только красивая молодая женщина.

Но до невесток еще требовалось дожить.

Когда Митю принесли домой, развернули, Никита посмотрел на брата и сказал, скривившись:

— Обещали Тонечку, а тут пельмень какой-то. Хотите, два дня в углу простую? Только поменяйте на Тонечку.

Его в пять глоток стали убеждать, что братик — даже лучше, чем сестричка.

На что Никита справедливо заметил:

— А зачем все время про Тонечку разговаривали?

Кормление по науке

Любая мать, вспоминая о периоде, когда весь мир концентрировался для нее в новорожденном дитянке, расскажет вам про дикие страхи, про страшные подозрения в недугах, про немоту отчаяния и про вопли о помощи. У меня через три месяца после рождения Никиты появились седые волосы. Мне было двадцать два года.

Никита орал, не переставая. Спал три-четыре часа, днем, естественно. Остальное время вопил. У нас не закрывались двери — приходили врачи, глубокомысленно ставили диагнозы один страшнее другого. Нас трижды клали в больницы и выписывали как не оправдавших диагнозы. Никита кричал и кричал, видя его корчи, я сходила с ума.

Женя, мой муж, обладает развитым чувством юмора, которое не только помогает шуткой погасить зарождающийся конфликт, но и оказывается незаменимым в эмоционально тяжелой ситуации. Ночь мы делили по три часа: сначала я качаю Никиту, потом Женя, потом мама, затем снова я. Но какой сон, когда ребенок вопит? И вот сижу я на постели, раскачиваясь от громадного желания поспать и от невозможности его осуществить. Женя ходит

Кормление по науке

с ребенком по комнате, трясет его как неодушевленное полено. Никита плачет, ему хоть бы хны, привык к перегрузкам.

— Наташ, а может?.. — спрашивает Женя.

Подходит к косяку двери и показывает, будто с размаху бьет головой ребенка об угол, роняет младенца на пол, смотрит радостно — замолк.

Это было настолько мастерски сыграно, настолько абсурдно, что я расхохоталась в голос, чувствуя, как тугая пружина перетянутых нервов отпускает. Многое забылось, но этот эпизод остался в памяти как маяк: иногда надо посмеяться, чтобы воскреснуть, даже благодаря черному юмору стряхнуть с себя путы тревог. Чтобы просто дышать. Потому что бездыханная мама ребенку не нужна.

Неуместный заливистый смех разбудил мою маму. Она выскочила из своей комнаты, хотя до дежурства ей оставался еще добрый час отдыха.

— Что тут происходит? Наточка, ты с ума сошла? Не вовремя, доченька. Почему ты смеешься? Ребенок-то плачет! Дайте мне его. Господи, веселятся! Если вы решили чокнуться, то, пожалуйста, подумайте о своем сыне. Иди ко мне, маленький! Иди ко мне, родненький! — Забирает у мужа туго спеленатого Никиту. — Ну, что ты плачешь, кровиночка? Бабушка тебе сейчас пустышечку даст.

Мы с Женей падаем на кровать: он — замертво, я — накрыв голову подушкой. Надо поспать, обязательно поспать, иначе сил для следующего дежурства не будет.

После врачей началось время знахарей, потому что Никита наорал себе грыжи.

Кроме меня и младенца, все были членами КПСС: муж, две бабушки, дедушка. Знахарей и колдунов поставляла моя свекровь. Остальные партийцы делали вид, что не замечают мракобесия. К тому времени я вызубрила учебник по педиатрии, огорошить меня плохими анализами было сложно, имелись описанные исключения из правил. И я прекрасно знала, что грыжи поддаются заговорам по простой причине: сами по себе зарастают в девяноста процентах случаев. Так что: заговаривай не заговаривай, успех практически обеспечен. Но оставалась иррациональная надежда (сродни веры в гороскопы или предсказания судьбы по линиям ладони), что очередной дедок или старушка помогут избежать операции. Тогда, кстати, корпулентные женщины-экстрасенсы с вычурными именами не забивали газеты предложением своих услуг, потомственные колдуны не предлагали излечить все и сразу, приворожить, отворожить и самое смешное — отрубить энергетический хвост. В то время ставка делалась на деревенских знахарей преклонного возраста, слава о которых передавалась из уст в уста.

Среди заговорщиков грыж типы попадались презабавные. Помню дедка, который после невнятного бормотания над Никитой-младенцем,пил чай и откровенничал:

— Женщина со мной живет. У нее рожа.

— Не красивая? — уточняю.

— Рожа не на лице, а на ноге. Заболевание такое.

Терпение у Дуси от моего характера кончится, она и уйдет,